

Прот. Алексей Томюк

**Иером. Кирилл,
настоятель Русского Храма-памятника в Лейпциге
в 1941-1945 г.**

Русский Храм-памятник в Лейпциге, начало 1940-х гг.

г. Лейпциг, 2025 г.

.....
Статья в сокращении, под заглавием «Служение Русского Храма-памятника и его священника в Лейпциге в трагические годы войны, в 1941–1945 гг.» напечатана в мае 2025 г. на сайте «Православной энциклопедии» и в «Вестнике церковной истории», в г. Москве.

В 2025 г. исполняется 80 лет со дня кончины иеромонаха Кирилла. Его служение настоятелем Храма-памятника вполне совпадает с самым сложным временем жизни общины Храма-памятника, в условиях войны Германии против советской России. Небольшую до того общину русских эмигрантов, беженцев, кое-как оправившихся от Первой мировой войны и связавших свою жизнь с Лейпцигом и Германией, накрыли новые невзгоды. Русские мужчины, получившие немецкое гражданство, должны были идти на фронт. Не-граждан Германии, русских мужчин и женщин, ожидали изматывающие трудовые повинности, холод, голод, и бомбардировки англо-американской авиации, начавшиеся с 1943 г. – до освобождения Лейпцига в апреле 1945 г.

В дополнение к этому, в 1941 г. город наполнился русскими пленными и невольными рабочими. Мужчины, женщины и их новорожденные дети – когда это позволялось властями III Рейха - могли рассчитывать на духовную и молитвенную поддержку о. Кирилла.

Особенно в последние месяцы войны священник совершил немало служб в храме и в лагерях для «остарбайтеров», русских невольников, а также для «эвакуированных», то есть русских людей, покинувших родину вследствие военных действий.

На сложные личные качества о. Кирилла, в первый период его служения, перед войной, повлияли тяжкие условия русской эмигрантской жизни, голод и бедность. Не он один воспринимал начавшуюся войну против советской России как надежду на решительные перемены для России.

Возможно, это сгладилось через напряженный пастырскими труд и заботами о русских невольниках, которые отец Кирилл принял на себя в тяжелое военное время. Жалкий быт и тяготы войны, кажется, подорвали его здоровье. Отец Кирилл скончался через год после войны и вынужденного отъезда из Лейпцига, в возрасте 50 лет. После отъезда он был возведен в архимандриты, но храм в Лейпциге стал последним местом пастырского служения отца Кирилла.

Первые годы служения о. Кирилла, во Франции.

Иеромонах Кирилл, в миру Николай Николаевич Шимский-Матвеев, родился 7 января 1895 г. в Варшаве, Российской империи. Молодым человеком он уехал во Францию и поступил в Православный институт на Сергиевском подворье в Париже, в юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского).

Вскоре Николай изъявил желание послужить Церкви в монашеском звании, и 12 декабря 1931 г. был пострижен митр. Евлогием в монашество в Александро-Невском соборе там же, в Париже. Вслед затем митр. Евлогий рукоположил его во иеродиакона (13 декабря) и, через неделю - в иеромонаха (23 декабря), и направил на приходское служение - к церкви обители Нечаянной радости в Ливри-Гарган под Парижем.(1) Сведения о его служении в составе епархии митр. Евлогия, за 1931-1940 г., содержатся в «Церковном вестнике Западно-Европейской епархии» (Париж) и др. источниках.(2)

Служба как бы не поддавалась иером. Кириллу. Прослужив совсем немного, 2 марта 1932 г. он отказался от службы в обители и вернулся на Сергиевское подворье. Вскоре он был командирован в приют для мальчиков в Шавонне (Chavonne), в помощь священнику Г. Жуани. В июне 1932 г. ему предложено место настоятеля в русской церкви в г. Безансон. Иером. Кирилл уже было поблагодарил митр. Евлогия за предложение, но предупредил, что у него нет материальных средств, т.к. он не имел разрешения на работу во Франции. Очевидно, по этой причине назначение не состоялось.

30 сентября 1932 г. отца Кирилла вновь командировали в приют в Шавонне. При этом некоторое время он еще служил в приходе Крезо.(3) Впрочем, 2 апреля 1934 г., как следует из документа в архиве епархии, о. Кирилл вновь оставил этот приход, самовольно. В своем письме митрополиту он поясняет, что сделал это из-за конфликта со свящ. Г. Жуани.

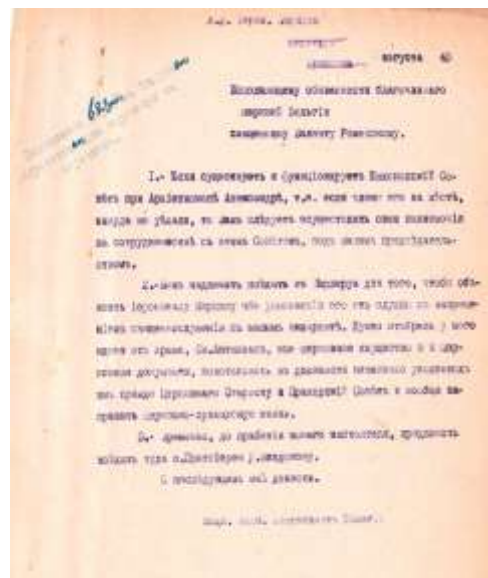
6 декабря 1931 г. - прошение Н.Н. Шимского на имя митрополита Евлогия о пострижении его в монашество и посвящении в священник сан.

С 16 июня 1934 года иером. Кирилл временно служил в приходе в г. Аньер, и в других местах, как командированный священник из Александро-Невского собора в Париже, с окладом в 400 фр. франков.(4) В связи с несением этих обязанностей 20 ноября 1934 г. он был освобожден от обязанностей при соборе.

В июне 1937 года о. Кирилл попросил митр. Евлогия о назначении в приход Троицкой церкви г. Шалетт (или Монтаржи-Шалетт). Там он, однако, 1 июля 1937 г. вступил в конфликт с монахами Типографии преп. Иова Почаевского (Синода Русской Церкви Заграницей). В апреле 1938 г. он также помогал настоятелю в приходе Риуперу, но и здесь вступил в конфликт со своим настоятелем и с духовенством Русской Церкви Заграницей. 11 ноября 1938 г. отец Кирилл уволился из прихода в Шалетт «по болезни, по собственному желанию». 31 января 1939 г. он был освобожден и от обязанностей в Риуперу, по болезни. Т.о., в январе 1939 г. иеромонах Кирилл вернулся в штат Александро-Невском собора в Париже.

Служение о. Кирилла в Бельгии.

В апреле 1939 г. началось служение о. Кирилла в Бельгии. 19 апреля он был командирован митр. Евлогием к Георгиевской церкви в г. Антверпен, для назначения настоятелем к Троицкой церкви в г. Шарлеруа. Здесь служение отца иеромонаха, наконец наладилось и 23 января 1940 г. он, как настоятель этой церкви, был награжден митр. Евлогием набедренником. Бельгия входила в юрисдикцию митр. Евлогия, но с середины 1930-х годов здесь действовали активно группы верующих Синода РПЦЗ. Вторая мировая война в 1939 г. и немецкая оккупация Бельгии в 1940 г. усилили позиции Синода, лояльного к III Рейху. Эмигранты разделились на противников и сторонников нацизма, и на приверженцев Синода или митр. Евлогия. 22 октября 1940 г. в Бельгии был арестован верный митрополиту архиепископ Александр, и выслан в Рейх. Приходы в Антверпене, Генте и Лёвене, верные митрополиту, закрылись. Архиепископ Зарубежной церкви, Берлинский и Германский Серафим (Лядэ), был признан немецким режимом единственным русским епархиальным архиереем. И в состав его епархии, кроме Германии и др. стран Европы, теперь вошла и Бельгия. В юрисдикцию этой «соборной церкви», 3 августа 1940 г. перешел иером. Кирилл и перевел свой приход, устранив из правления несогласных - старосту и приходской совет, верных митрополиту Евлогию. За это нарушение о. Кирилл был запрещен митрополитом в служении - «на территории экзархата».

3 августа 1940 г. - распоряжение митрополита Евлогия о запрещении иером. Кирилла в священнослужении.

„Самое тяжелое испытание выпало на общину Шарлеруа с началом гитлеровской оккупации Бельгии в мае 1940 года. В день захвата город Шарлеруа иеромонах Кирилл Шимский (в то время настоятель храма) приветствовал оккупантов, приплясывая на улице. Не скрывая своих германофильских симпатий, Кирилл самолично перевел приход в ведение Берлинского архиепископа Серафима, в проповедях неоднократно восторгался Гитлером. Люди перестали ходить в церковь, а в декабре 1940 года попытались открыть новый храм. Тогда отец Кирилл пожаловался оккупационным властям. Прихожан начали просеивать через гестапо. Самых активных "антигитлеровских подстрекателей" отправили в тюрьму. К счастью, в 1942 г. иеромонаха Кирилла перевели в г. Лейпциг, настоятелем храма-памятника...“(5) Отец Кирилл открыто сотрудничал с немецкими оккупантами Бельгии, а прихожане этих его действий не одобряли.(6)

Иером. Кирилл - настоятель храма в Лейпциге, 1941-1945 г.

В апреле 1941 г. архиепископ Берлинский Серафим перевел иером. Кирилла, в Германию, настоятелем Русского Храма-памятника в Лейпциге. До Лейпцига по характеру переменчивый и несколько конфликтный, о. Кирилл не мог держаться долго одного прихода. В Бельгии он не

сохранил верность своему епископу – митр. Евлогию. Новый режим в Германии и начавшаяся война с Россией, кажется, были созвучны взглядам о. Кирилла.

О первых днях служения о. Кирилла в Лейпциге находим свидетельство из необычного источника. В канун Пасхи 19-20 апреля 1941 г. сотрудник отдела Гестапо I/VI («Конфессии: евреи, эмигранты и пацифисты») составил подробный отчет о празднике.(7) Он начинается общим описанием дел храма. Сообщается, что преемником священника Е. Ножина в Лейпциге, «по указу архиепископа Серафима и Министра по церковным делам священником в Русского Храма-памятника св. Алексия назначен Кирилл Шимский; он проживает в Лейпциге С1, Кайзер-Максимилиан-штрассе 51а», т.е. в храме. Но прихожане в Лейпциге тоже разделились на «карловчан» и «евлогиан».

Против последних настоятель храма о. Кирилл еще долго произносил проповеди.(8) С управлением приходом ему при режиме было несложно - будучи германофилом он подружился с шефом местного гестапо.(9)

Вообще, письменных описаний жизни Храма-памятника в условиях войны Германии против советской России немного.(10) По понятным причинам эта тема в Германии была болезненной для одних и постыдной для других. Небольшое описание находится с двух книг о храме, 2014 и 2022 гг.(11) Хорошим дополнением помощью в этом смысле нам служат приходские записи и метрические книги Храма-памятника военного 1941-1945 годы.(12)

Число прихожан Лейпцига накануне событий, в 1938 г. составило около 60 человек.(13) С началом войны число русских в Лейпциге прибавилось. Лейпциг стал значимым центром военной промышленности и требовал рабочую силу. В городе и вблизи него власти устроили множество больших и малых лагерей в т.ч. для русских людей: пленных или насильно угнанных на работы в германский Рейх гражданских русских людей, т.наз. «остарбайтеров» или «восточных рабочих».(14) Численность русских не называлась в условиях войны по причине секретности. Но и после нее, эта тема была неудобна и постыдна и для живших в городе русских, и для немцев. Также, количество и сведения о всех русских людях, содержащихся в Лейпциге, сегодня искажается через дробление их по национальности - на белорусов, русских, украинцев и т.д., то есть по причине все еще продолжающегося идеологических предубеждений Запада к России.

Во-первых, мы имеем свидетельств о храме в Лейпциге от священника, пережившего то время. В интервью газете он вспоминал, что в те годы храм был духовным центром для русских людей, находившихся на работах в городе и в окрестности. *«Особенно много людей посещали богослужения во время Второй мировой войны. Здесь собирались на богослужение угнанные нацистами «восточные рабочие», если они могли получить увольнение: они черпали здесь новые силы, новую надежду на освобождение...»*.(15)

Второй свидетель, Ингеборга Финк, тоже вспоминала, что «остарбайтерам» разрешали иногда посещать храм, а его священник и прихожане активно поддерживали русских невольников.(16) Считается, что в первый-второй годы войны против России привезенные в Германию русские (советские) граждане были изолированы от общества, и от русских храмов в Германии. С начала войны в 1941 г. - и до 1943 г., как пишут исследователи, режим Германии не разрешал священникам служить среди русских пленным, а «восточным рабочим» - посещать службы в русских храмах Германии.(17) Другие пишут, что в некоторых городах нацистской Германии «только в марте 1944 г. Главное управление имперской службы безопасности разрешило священнослужителями ...совершать службы для «восточных рабочих»».(18)

В Лейпциге условия были лучше и иером. Кирилл совершил первое богослужение для русских пленным в Лейпциге уже 25 декабря 1941 г. – в нерабочий день в Германии для пленным и «арбайтеров».(19) Через месяц, 9 февраля 1942 г. отец Кирилл опять совершил службу для русских пленным, на сей раз - в лагере в г.Дессау, довольно далеко от Лейпцига.(20) И далее, псаломщица храма вспоминает, что «...на великие праздники 1943 года иеромонах Кирилл Шимский смог совершить богослужения для «остарбайтеров»».(21) Примечательно, что в Лейпциге такие службы проходили уже в 1941 г.

Раньше, чем в других местах, иером. Кирилл стал совершать для невольников таинства. Согласно метрических записей, первые крещения для остарбайтеров совершены в 1942 г., а венчания - в 1943 г. Скорее всего, иером. Кирилл совершал таинства во время посещения лагерей, так как посещать храм, покидая лагерь, остарбайтерам было сложно.

Дабы не отрывать русских «арбайтеров» от работы в лагерях, власти Рейха разрешали русскому священнику проводить службы нерабочие дни, но по немецкому календарю, который не совпадал с православными праздниками. Если сравнить даты совершенных таинств в Лейпциге, мы действительно увидим, что большинство крещений и венчаний были совершены в воскресные или

нерабочие, дни, как того требовали власти от всех священников. На 24, 25 и 26 декабря, Рождественские дни в Рейхе, в Лейпциге каждый год приходится по несколько таинств.(22)

*Метрические книги Русского Храма-памятника:
«О крещениях, 1942-1943 г.» и «Обысная книга, 1928-1943 г.».*

Часто, хотя и не из каждой записи следует, что местом жительства крещеных и повенчанных русских людей были именно концентрационные лагеря в Лейпциге или рядом. Среди названий лагерей для русских, которые крестили детей или венчались, мы нашли около 30, по их адресу, району города и т.п. Другие лагеря известны иногда банальному имени, как будто речь идет об отеле или доме отдыха, вроде «Стадион Фортуна» или лагерь «Waldfrieden» (Тихий лес). Некоторые верующие невольники жили в лагерях с простыми названиями: «Руссенлагер» (лагерь для русских) или «Остарбайтер-лагер» (лагерь для остарбайтеров).(23)

О похоронах в Лейпциге записей нет. Вероятно, сведения о смертности среди пленных и остарбайтеров могли вызвать нежелательную для Рейха критику в русской среде.

Все таинства с 1941 - до весны 1945 г. совершал сам иером. Кирилл, иногда - вместе с диаконом Василием Москаленко. Однако диаконы в русской традиции не совершают пастырской работы, они только украшают богослужения. Известно, что в Лейпциге жили еще священники, как «остарбайтеры» - Георгий Романович, Николай Михненко Феодор Соловьев, и Владимир Тыминский, но во время войны ни один из них не совершал в храме ни служб, ни таинств. Однако только один из них, о. Николай Михненко, с 11 апреля 1945 г. стал помогать настоятелю храма. Свящ. Н. Михненко находился в Лейпциге как «остарбайтер» долго, но был допущен к службам, очевидно, с согласия лояльной к III Рейху Берлинской епархией только в апреле месяце. В «Летописи Храма-памятника» говорится, что с падением режима Рейха и переходом Лейпцига от американских - к советским войскам, о. Николай покинул город в направлении Западной, американской зоны, и совершал службы только до 1 июля 1945 г. По метрическим записям храма, о.Николай крестил с 14 апреля - до 27 июля 1945 г.

Крещения и Присоединения к Православию

Метрические записи в архиве Храма-памятника свидетельствуют о том, что о. Кирилл испытывал затруднение с записью немецких, болгарских или греческих имен в русской транскрипции. Иногда ошибался в датах, записывая крещение или венчание в реестр не того года, ошибался в именах, путал Крещение - с Присоединением к Православию (или называл это Перекрещиванием). Ему было трудно разобраться с указанием отчества по греческой или по болгарской традиции: где отчество, а где – фамилия младенца (например, Иоанн Петров Семенов). То же и с немецкой культурой немало было недоразумений, т.к. здесь было принято указать в приходской книге не одно, а все - два, три или даже четыре личных имени.

Начиная с 1942 г., в метрических книгах Храма-памятника, мы находим записи о крещении младенцев, родители которых – остарбайтеры в лагерях. Основанием для крещения младенца и выдачи свидетельства, как этого требовали власти Рейха, нужно было предъявить священнику свидетельство о рождении, или справку от лагерфюрера (начальника лагеря) о согласии на крещение. Такое крещение позволялось властью.

Священник в Лейпциге т.ж. указывал родителей младенца как «законных» мужа и жену. И нужно заметить, что записи «гражданских», незаконных супругов как родителей, при чем в условиях лагерей и войны встречаются редко. И все же есть несколько рукописных записок по-русски, что *N.N.* (следует русское имя и фамилия мужчины) «своего отцовства не отрицает» или «отцовство признает». Нередко мать предоставляла записку своих поручителей, одного-двух, таких же русских «остарбайтеров», о том, что ребенок «принадлежит» ей. На обратной стороне справка заверена комендантом лагеря на Воданштрассе-40 в Лейпциге.(24)

Вообще, тема насилия над русскими женщинами в концентрационных лагерях немецкими историками табуизирована. В Лейпциге, например, в официальных справках о рождении ребенка данные об отце нередко отсутствуют, и в графе о гражданском состоянии матери указано: «незамужняя» (нем. *unverhelichte*). Иногда матери просто не вносили имени отца новорожденных в неволе детей, а иногда - не могли представить и справку о рождении ребенка.

В тяжелом для всей Германии начале 1945 г. часто встречаются записи иером. Кирилла, что мать новорожденного «документы обязуется представить». Потом там же он делал приписку, что документ представлен. А иногда наоборот, следовала приписка: «д(окумента) нет». К концу войны, записи часто делались не в формуляре Берлинской епархии, а упрощенно, беглым почерком, чернилами или карандашом, в старой тетради или на клочке бумаги. В этом смысле записи отражают не то беспорядочный характер автора – иером. Кирилла, или же – отягченную войной, но весьма активную жизнь священника, с множеством служб в храме и в лагерях.(25)

Присоединения или переход в Православие из католического или лютеранского исповедания в довоенные годы, да и послевоенные в храме Лейпцига встречается редко. Поэтому необычно видеть прирост таких переходов в военный и в первый послевоенный год. Всего таких переходов за 1941-1945 г. в архиве указано 46.(26) Причины переходов разные. В 1941-1942 гг. имена перешедших – русские. Часто это были дети русских женщин, которые развелись со своими немцами-супругами. Их дети их, первоначально крещенные в евангелической или католической церкви, после развода принимались в Православие. Иногда переходы случались вследствие заключения смешанных браков и венчания. В таком случае имена и фамилии принявших в Православие – немецкие. Насколько осознанными были такие присоединения и эти лица становились прихожанами храма, трудно сказать. Такой шаг делали, может быть, и не по убеждению. Предполагалось, что при венчании или при крещении младенца в смешанной семье в русском храме не-православный член семьи должен перейти в Православие.

Венчания

С 1943 г. в архиве храма встречаются справки о предстоящем венчании.(27) При наличии такой справки, лагерные власти разрешали гражданскую регистрацию брака в лагере, перед церковным Венчанием. Иногда наоборот, в справке от начальника лагеря (лагерфюрера) священнику писали, что оба «рабочих» уже являются мужем и женой.(28) На основании этой справки он совершал венчание - там же в лагере, или в Храме-памятнике. Несколько таких справок приложены к «брачным обыскам» венчающихся. В некоторых случаях для совершения венчания предоставлено обычное свидетельство о браке.

Несколько документов, среди метрических записей говорят о сложных вопросах, касающихся венчания. Настоятель обращался к Епархиальному архиерею в Берлине, и получал от него соответствующие указания. В условиях войны весной 1945 г. связь с Берлином была затруднена, и настоятель, о.Кирилл, принимал иногда решения самостоятельно – о чем встречаем записи в «брачных обысках».

Известно, что в условиях войны русское духовенство совершало богослужения в лагерях с некоторым послаблением, «из-за внешних условий церковный порядок (устав) изменялся или принимал новые формы. Большое количество молящих вынуждало духовенство, проводить, например, общую исповедь».(29) Скорее всего с разрешения Берлинской епархии, лейпцигский священник совершал и венчание в дни поста и на святках 1944 г., в 1945 г. - в дни строгого поста: в Рождественский сочельник, в Великий пост, и даже в день Пасхи (6 мая н.ст.). Поэтому в нескольких «брачных обысках» для венчаний встречается приписка о. Кирилла: «Ввиду особа[го] воен[наго] положения и не возможн[ости] снош[ения] с епис[копом, супруги] повенч[аны], иером. Кирилл».(30)

За счет «остарбайтеров» количество венчаний в приходе Лейпцига росло: если в 1942 г. их было только пять, то в 1943 г. больше – восемь, в 1944 г. - уже одиннадцать, а в 1945 г. - 98 венчаний. Женихи и невесты среди них в 1945 г. были моложе, чем в другие годы, и почти все «арбайтеры» - 19-25 лет.

К венчаниям своих, русских, в годы войны добавились венчания для нерусских верующих, жителей Лейпцига. Война диктовала свои правила. В 1941-1942 г. два-три раза при венчании встречается пометка: «Жених отбывает на фронт по обстоятельствам военного времени», из-за чего таинство совершалось в неуставное время – в пост.

Среди метрических встречаются и посторонние, хотя интересные документы: например, семье Гриценко в 1944 г. выдана справка о том, что супруг в семействе является инвалидом на 75%, т.е. не может быть мобилизован на работы как «арбайтер».

При венчании одних супругов, указано на переход одного из супругов в Православие. Но в отношении других, нет указания перешел ли не-православный жених/невеста немецкой национальности в Православие. Поэтому, неясно, на каком основании совершилось венчание православного супруга или супруги - с католиком или протестантом, присоединился ли последний перед тем к Православию. Было ли интересно узнать, как относились в епархии митрополита Серафима к этому, и признавали ли таинства крещения в других исповеданиях.

Проведение «брачных обысков»

До конца 1940 гг. для законного совершения таинств Храм-памятник, как и в других русских приходах перед венчанием проводились «брачных обысков», а результат записывали в прошнурованную «Книгу брачных обысков». Это была дореволюционная практика протокольной беседы священника с желающими вступить в церковный брак. Беседа удостоверяла законность будущего союза. Она проходила при двух духовных лицах и двух свидетелях или поручителях, «по жениху и по невесте». После беседы все подписывали «обыск» или протокол. После перехода перед войной в карловацкую юрисдикцию (в 1938 г.), в Лейпциге печатной книги не было. Скорее всего, их не издавали в Берлине. Листы «брачных обысков» теперь печатались на машинке, или составляли от руки - перьевой ручкой или карандашом. Еще одна интересная деталь: в обыском листе, кроме персональных данных, настоятель в п.7 указывает, что «обыск» проведен после «троекратного оглашения» о предстоящем браке «в означенной церкви». В то время в советской России таких протоколов не вели, хотя оглашения о предстоящих браках в церквях кое-где бывали.

Забота русского священника о верующих других национальностей

К крещениям и венчаниям своих, русских людей, с 1943 г. в Лейпциге добавились венчания и крещения для верующих, жителей города других национальностей, как уже отмечено. Священник русского храма усердно служил для духовного блага большого количества православных других национальностей. В архиве Храма-памятника записаны крещения и присоединения к Православию, венчания и погребения нерусских граждан. Это были православные греки, болгары, румыны, югославы (в осн. из Сербии и Македонии), поляки, и, собственно, немцы. Они жили в Лейпциге или вблизи города, а иногда - далеко от него.

Дело в том, что до 1943 г. греческая община Лейпцига имела собственную домовую церковь на Лессингштрассе. 4 декабря 1943 г. эта домовая часовня и дом, в котором она располагалась, был разрушен при бомбардировке Лейпцига английской авиацией.(31) Поэтому, если за 1941-1942 г. мы находим одно-два крещения или венчания для греческих семей в русском храме, то в 1943-1944 г. насчитываем уже 11 таинств для греков. Второй по численности группой нерусских людей, получавших духовное окормление в русском храме, были верующие болгары, и сербы. Например, в 1941-1945 гг. для болгар в русском храме было совершено 37 крещений и венчаний.

Несколько замечательных личностей среди прихожан Храма-памятника

Отметим нескольких замечательных личностей в военное время перешедших в Православие или крещеных в храме. В семействе лейпцигского фабриканта Курта Биагоша родились и были крещены Ирена и Георгий. Сын Курта, Иоахим в 1940 г. стал членом Строительного комитета Храма-памятника. В феврале 1941 г. Иоахим был мобилизован и отбыл на фронт, о его дальнейшей судьбе в храме Лейпциге ничего не известно.(32) После войны семья Биагош переехала в Западную Германию и основала там компанию. Фирма Krause-Biagosch GmbH сегодня является одной ведущей компаний в Германии. Также в семье Франца Брандеса, директора мебельного завода в Лейпциге, жена и дочь принадлежали к русской церкви.

14 апреля 1942 г. в русском храме обвенчались капельмейстер Зигфрид Вальтер Мюллер и Милка Фингова, болгарской национальности. Зигфрид Вальтер Мюллер (1905-1946) - немецкий композитор, после обучения (1923-1926) работал в Лейпцигской консерватории, с 1935 г. -

дирижером Лейпцигского камерного оркестра; с 1940 г. – он преподавал в Веймарской музыкальной академии. Однако в 1943 г. Мюллер был призван на Восточный фронт и умер в плену в 1946 г., в возрасте 41 года. Музыкальное наследие композитора, около 100 изданий, хранится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене.(33)

Последние месяцы о. Кирилла в Лейпциге

Иером. Кирилл, что касалось его общественной позиции и личных взглядов, оставался верен себе. Об этом говорит его эмоциональная пасхальная проповедь 1942 г., распечатанная и размноженная для пользы прихожан и гостей храма. Поздравляя их с Пасхой, автор говорит с большой надеждой о христианском по сути вожде немецкой нации, который строит мир без «заплесневелых христианских церквей». Он сделал для человечества «бесконечно больше того, что сделали все христианские церкви для Христа, топчась на одном месте девятнадцать веков». Сей вождь, говорит автор, борется с коварными врагами всего человечества. Именно ему проповедник предсказывает победу над врагами.(34)

*«Христос воскресе», проповедь
«составленная для прихожан Св-Алексиевского храма в
г. Лейпциге настоятелем того же храма иеромонахом
Кириллом 3 апреля 1942 г.».*

Возможно поэтому после падения Рейха о. Кирилл никак не мог остаться в Лейпциге. В дневнике старосты храма Н.Г. Волкова есть запись, что „13 мая 1945 г. настоятель храма архим. Кирилл внезапно уехал с кассиром храма и кассой в 15.000 марок“.(35) Однако, судя по метрической книге о родившихся за 1945 г., в архиве Храма-памятника, последняя запись о крещениях рукой иером. Кирилла сделана 15.06.1945 г. Отец Кирилл оставил храм на о. Николая Михненкои уехал в американскую зону, в Западную Германию, однако вскоре умер.(37) Последнее сообщение о нем говорит, что он скончался в сане архимандрита, в возрасте 45 лет, в 1945 г.(38)

Заключение

В трудное военное время, с апреля 1941 г. - до мая 1945 г., иером. Кирилл совершил множество служб и других обязанностей, включая окормление военнопленных и остарбайтеров. Он усердно служил и в храме, и в близлежащих лагерях, совершил много крещений, присоединений и венчаний.(38) Для проповеднической деятельности в Лейпциге печатались Евангелия, среди прихожан и посетителей храма распространялись листовки о вере, напечатанные на машинке.(39)

Сравнивая деятельность о. Кирилла и жизнь Храма-памятника в военные годы с другими историческими сведениями, можно заметить некоторые расхождения. Некоторые исследователи утверждают, что в условиях III Рейха о свободе действий Берлинской епархии РПЦЗ не могло быть и речи. Представители РПЦЗ, как-бы отрицая ее лояльность к режиму пишут, что власти препятствовали священникам епархии митр. Серафима окормлять русских остарбайтеров и пленных.(40)

Деятельность иером. Кирилла этого не подтверждает. Уже в 1941 г. он начал пастырское служение среди у русских пленных и остарбайтеров, не встречая препятствий. Конечно, военное положение и немецкая педантичность накладывали определенные ограничения, но они не помешали его миссии. Возможно, в других городах священники столкнулись с большими трудностями, что объясняет их более позднее включение в это служение.

*Сберегательная книжка прихода храма на имя
настоятеля, иеромонаха Кирилла, доведенная до 1945 года.*

Пример Лейпцига также не подтверждает утверждения, что духовенство епархии митр. Серафима допускало священников из других юрисдикций, в т.ч. из Московской Патриархии или из украинской группы, к сослужению в своих храмах.(41)

Нет подтверждений и тому, что в Лейпциге, как центре военной индустрии с многочисленными лагерями, служили разъездные священники епархии митрополита Серафима, которых он, как пишут, посылал по городам Рейха.(42) В Лейпциге таких помощников у о. Кирилла не было. Все службы и таинства совершал один иером. Кирилл, несмотря на присутствие в городе священников из Московской Патриархии и с Буковины.

Некоторые источники еще утверждают, что русские невольники, граждане атеистического СССР, особенно стремились к вере и Церкви во время жизни в Германии.(43) Действительно, Лейпцигский храм в годы войны был переполнен, а количество таинств значительно увеличилось по сравнению с мирным временем. Однако стоит учитывать, что храм вмещал всего 100 человек. Еще и потому, что настоятель принадлежал к Зарубежной Церкви, лояльной к нацистскому режиму до конца войны, следует быть осторожным в оценках числа русских (советских) людей, обратившихся к ней. Нельзя забывать и о жестокости, с которой обращались с пленными и остарбайтерами до последних дней войны. Нацисты сопротивлялись освобождению узников. Достаточно вспомнить «марши смерти» в Лейпциге и др. городах, когда под видом перехода в другие лагеря, на этих «маршах» были уничтожены тысячи пленных и остарбайтеров, буквально за один-два дня до освобождения.(44)

Поэтому не стоит полностью доверять рассказам о том, что к концу войны жестокость режима ослабла и жизнь остарбайтеров стала легче.(45) Еще одна трагедия, уничтожение заключенных в лагере Лейпциг-Текла 18 апреля 1945 г., где сотни людей, включая русских, были убиты с особой жестокостью. Освобождение узникам пришло только после краха режима. В последующие месяцы 1945 г. в Лейпциге значительно увеличилось количество таинств, но эти таинства совершали уже преемники иером. Кирилла: священники Николай Михненко, Феодор Соловьев и Георгий Романович.(46)

В остальном, данные о переполненном Храме-памятнике в годы войны и большом количестве совершенных таинств вызывают удивление, учитывая скромные размеры прихода в Лейпциге. Учитывая увеличение числа служб и свидетельства о трудностях церковной и личной жизни каждого, можно с уверенностью сказать, что иером. Кирилл в тяжелые военные годы сделал все возможное для духовной поддержки своих прихожан и православным горожанам других национальностей, а т.ж. русских пленных и остарбайтеров.

Нельзя не учесть трудности личной жизни священника в то тяжелое время. Представив тяготы и скудость военного времени, а также условия труда священника в Лейпциге, который единолично совершал пастырское служение, можно утверждать, что его деятельность была крайне усердной и интенсивной. От него требовалось напряжение физических и душевных сил. И несмотря на неблагоприятные условия, он в одиночку справлялся с призванием, удовлетворяя духовные нужды разнородной паствы.

Немаловажным было то, что русские невольники благодаря деятельности настоятеля имели возможность участвовать в таинствах и богослужениях Лейпцигского храма. Это служение Церкви и священника стало для них укреплением и утешением среди скорбей. Атмосфера молитвы в русском храме способствовала духовному умиротворению всех: прихожан, верующих других национальностей и русских невольников. После войны окрещенные или повенчанные в Лейпциге, эти русские граждане остались в Европе или вернулись в СССР. Опыт Веры в Лейпциге, можно предположить, был большим вкладом Храма-памятника в их будущую их жизнь по Вере, на Западе или в условиях советской России.

Кроме письменных источников – записей и метрик – в Храме-памятнике сохранились и вещественные свидетельства того времени. Среди них – походный чемоданчик из фанеры для евхаристических сосудов, изготовленный с особой тщательностью. Сосуды в нем сделаны не из благородного металла, как положено, а из пластмассы, что было вынужденной мерой в условиях войны. Эти священные предметы вместе с метрическими данными свидетельствуют об интенсивной духовной и приходской жизни Храма-памятника во время войны.

Молодой, сорокалетний священник, о. Кирилл оказался в этих условиях военное активным, приспособил личную жизнь к особенным нуждам чад Церкви, и исполнил свой долг. В его время служения Храм-памятник исполнил свою главную миссию. Он собирал в нем верующих людей, объединил их в совместном служении Богу. В жестокое военное время, в чужой и враждебной стране, для них, хоть на краткое время, храм был место утешительного священнодействия.

Архивы:

1. Архив Архиепископии православных церквей русской традиции Московского Патриархата в Париже (АЕУА). Archives de l'Archevêché des Eglises Orthodoxes de Tradition Russe en Europe Occidentale, Paris). Послужной список о. Кирилла (Шимского, 1931-1940) и личное дело иером. Кирилла.
2. Архив Храма-памятника в Лейпциге. «Летопись Свято-Алексиевского прихода и Храма-памятника русской славы и победы в Лейпциге», начата прот. Г.Романовичем, продолжена прочими настоятелями (1945-1987). Фонд К.З.1. Приход. 1938-1945, машинопись, копия.
3. Архив Храма-памятника в Лейпциге. Журнал исходящих за 1941-1945 гг., Иером. Кирилла, настоятеля Храма-памятника, с 23 апреля 1941 - до 14 мая 1945 г., тетрадь без обложки. Фонд К.З, Архив прихода, 1938-1945 г.
4. Российский государственный военный архив (РГВА), Москва. Переписка иером. Кирилла (Шимского), и о нем.

Литература:

1. *Евлогий*, митр. Путь моей жизни.
2. *Нивьер* А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995. М.; Париж, 2007.
3. Церковный вестник Западно-Европейской епархии (Париж). 1931. - N 12. - С. 4-5; 1932. - N 3. - С. 1; N 9. - С. 1; 1937. - N 6-7. - С. 6; N 8. - С. 3; 1938. - N 1-2. - С. 31; 1940. - N 1-2. - С. 4.

Примечания:

- ¹ 6 декабря 1931 г. Прошение Николая Николаевича Шимского, о пострижении в монашество и рукоположении в священный сан. Приписка рукой митрополита Евлогия о пострижении Николай Николаевича 12 декабря 1931 г. на Сергиевском подворье, а 13 декабря - рукоположение во иеродиакона— в Александро-Невском соборе, а 20 декабря, рукоположение в диакона к приходу нечаянная радость. (Иеромонах Кирилл (Шимский). Hieromonk Cyrille Schimsky. 1931-1940. В.3. Личное дело. Архив Архиепископии православных церквей русской традиции Московского Патриархата в Париже. Archives de l'Archevêché des Eglises Orthodoxes de Tradition Russe en Europe Occidentale, Paris).
- ² Подробнее об иером. Кирилле см. Церковный вестник Западно-Европейской епархии (Париж): 1931, №12, с.4-5; 1932, №3, с.1; №9, с.1; 1937, №6-7, с.6; №8, с. 3; 1938, №1-2, с.31; 1940, №1-2, с.4. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995. М.; Париж, 2007. С. 255-256.
- ³ Личное дело иером. Кирилла, там же, в архиве Архиепископии в Париже.
- ⁴ Справка иером. Кириллу от 13 мая 1935 г. Личное дело иером. Кирилла, в архиве Архиепископии в Париже.
- ⁵ Родионов, Андрей. "Частица веры нашей, русской", газ. Трибуна, 28.12.2004, с.7.
- ⁶ *Нивьер* А. Православные священнослужители..., с. 255-256.
- ⁷ Саксонский государственный архив, архив Полицай-президиума в Лейпциге, фонд PP-V 1563: Sächsisches Staatsarchiv, Polizeipräsidium Leipzig, PP-V 1563, Datierung 1927-1949Фонд PP-V 1563. Справка с пометкой: Gestapo Leipzig, Referat II B I, 17.4.1941.
- ⁸ См. письмо митрополита Серафима (Ляде) - А.Н. Фену, от 23 июля 1942 г. Архив Храма-памятника в Лейпциге.
- ⁹ «...Примерно в 1943 г. получили мы нового иерея, отца Кирилла Шимского, который загадочным для нас образом стал другом шефа лейпцигского гестапо...», цит. по Шкаровский, М.В., «Нацистская Германия и Православная Церковь», М. 2002, с.308.
- ¹⁰ *Прот. Алексей Томюк*. Русский Храм-памятник в Лейпциге в 1930-1940-х гг., Вестник церковной истории, Nr. 3/4(43/44) М., 2016, С. 237 - 253.
- ¹¹ Gedächtniskirche zur Russischen Ehre in Leipzig 1813-1913-2013, Beresta, St. Petersburg 2015, а т.ж. Russische Kirche in Leipzig, Passage-Verlag, Leipzig 2024. Оба издания на русском и немецком языках.
- ¹² Документы, которые относятся к теме метрических книг, записей и др. сведений, разложены в делах по годам и датам, и находятся фонде К.6, «Метрические записи и сведения», в Архиве Русского Храма-памятника в Лейпциге.
- ¹³ *Gaede, K.*, "Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts", Köln 1985. S. 138
- ¹⁴ В 1941-1945 гг. в лагерях в Германии находилось несколько миллионов русских, насильно угнанных на работы. От тяжелых условий в плену более 2 миллионов русских «рабочих» погибли в Германии. См. т.ж. *Шапиро, Е.С.*, Отправка и условия работы остарбайтеров Витебской области в Третьем рейхе», Электрон. версия публикации: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/33938/1/105-111.pdf>.

¹⁵ «...Храм, наряду с его предназначением памятника, стал также духовным центром для русско-православных христиан, живущих в Лейпциге и его окрестности. Особенно много людей посещали богослужения во время Второй мировой войны. Здесь собирались *на богослужение* угнанные нацистами "восточные рабочие", если они могли получить увольнение: они черпали здесь новые силы, новую надежду на освобождение...» («Ein Symbol der Freundschaft», *Leipziger Volkszeitung*, 23.9.1963.

¹⁶ Текст ее письма помещен в диссертации К.Геде в 1989 г.: «Когда вблизи Лейпцига возникли первые лагеря, в которых содержались восточные рабочие – русские, украинцы, поляки и т. д., сперва им долгое время не разрешалось покидать их (лагеря). Позже они могли в сопровождении охраны заходить в церковь при условии – не искать никаких контактов, не исповедоваться, не принимать продукты и одежду, не оставлять письма или записки и т.д. Но в тесноте не слишком просторной церкви мы делали очень многое возможным. Они приходили, жалкие, голодные и босые, зимой в башмаках на деревянной подошве, на богослужении многие душераздирающе рыдали. Под охраной они снова преодолевали путь до своих лагерей, превышавший 10 км... Примерно в 1943 г. получили мы нового иерея, отца Кирилла Шимского, который загадочным для нас образом стал другом шефа лейпцигского гестапо. Это принесло нам некоторые облегчения. Священник мог с хором и мной, в качестве регента, по великим праздникам – таким как Рождество и Пасха, проводить богослужения в лагерях восточных рабочих». Опубликовано на немецком яз., в кн. *Gaede, K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts*", Köln 1985, S. 243.

¹⁷ *Шкаровский М.В.*, *Нацистская Германия и Православная Церковь*, М. 2002. с. 310-311. Воспоминания тех лет отражены в письме сотрудницы Храма-памятника от 8 апреля 1980 г. См. *Gaede, K. "Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts"*, Köln 1985. А т.ж. *Шкаровский*, *Указ.соч.*, с. 316.

¹⁸ Георг Зайде пишет, например, что духовное обслуживание священниками епархии митр. Серафима русских невольников «было всячески затруднено и встречало препятствия» со стороны режима Рейха (George Seide, *Verantwortung in der Diaspora*, München, 19 89, с. 99). Почти тоже пишет и Михаил Назаров. (*Указ. соч.*, с.16) Похожие оценки находим и у М.В. Шкаровского, *Указ.соч.* с. 320.

¹⁹ *Прот. Алексей Томюк*, *Русский Храм-памятник в Лейпциге в 1930–1940-х гг.* Вестник церковной истории, № 3/4(43/44) М., 2016.с. 250.

²⁰ „*Russische Kirche in Leipzig*“, deutsch und russisch, Leipzig, Passage-Verlag 2021. S. 103.

²¹ *Russische Kirche in Leipzig*. Русский храм в Лейпциге. Text deutsch und russisch. Passage-Verlag, Leipzig 2021. Стр. 149. Еще несколько сведений о лейпцигском периоде служения о. Кирилла см. в статье прот. Алексея Томюка, *Русский Храм-памятник в Лейпциге в 1930-1940-х гг.*, Вестник церковной истории, № 3/4(43/44). М., 2016. С. 248-252.

²² Например, в 1945 г., венчания проходят в воскресенье 28.01, 18 и 25.02, 6 и 12-13.05 (суббота-воскресенье), и 27.05.

²³ По названиям в метриках Храма-памятника встречаем следующ. лагеря: под-лагерь «Бухенвальд», «Гастхоф Виндорф», «Данильсен», «Ерла», «Кольманн руссенлагер», «Мангольд», «Остхёфе», «Рибек», «Тура», «Хаймштетте», «Шлосс Шёнау», «Фортуна Шпортплац» и лагерь «Йохана» (в Вольфене, близ Билефельда). Из лагерей для русских на фабриках и предприятиях встречает верующих из лагеря фирмы Шельтер унд Гизике - «Антон», лагеря Рабочего фронта Германии «Альтер Мессплатц», лагеря фабрики «Х.Матес», фирмы «Хасаг», фабрики «Кох унд Шиллинг», фирмы «Блюмен Ханиш», фирмы «Штадтранд». Несколько лагерей для русских людей указаны только по адресу или району: лагеря на Воданштрассе, на Остштрассе-5, на Фритцшерштрассе-2, и в районах города: Гроссшохер, Кляйншохер, Либертвольквитц, Ройднитц, Текла и Шёнау.

²⁴ См. документ от 17.02.1945 г. и от 17.03.1945 г., справку из лагеря на Воданштрассе – 40, или еще справку из лагеря «Фортуна Шпортплац».

²⁵ О непростом характере о. Кирилла, обидах прихожанам и своим сослуживцам, его жалобах на прихожан в полицию Лейпцига сохранилось несколько писем о. Кирилла и о нем, в Российском государственном военном архиве (РГВА) в Москве, фонд 500, опись 3, дела 450, 452-456.

²⁶ Число переходов в Православие в означенный период следующее: в 1941 г. – 6, в 1942 г. – 2, в 1943г. – 3, в 1944 г. – 5, в 1945 г. – 30.

²⁷ В архиве есть справки о предстоящем венчании в церкви (Traubereitschaftsbescheinigung): для Псарадели и Ферельст, Буланова и Арнольд, Денхардт и Живковой – в 1943 г., для Ховерс и Петровой, и для Стефанова и Лангаес в 1945 г.

²⁸ Крещения и венчания для остарбайтеров допускались властями Рейха после регистрации гражданского состояния, напр. заключения брака в государственных органах. О требованиях к венчаниям пишет М.В. Шкаровский (*Указ. соч.*, с. 316). О таких же требованиях при крещении можно понять из записей военных лет в актах храма – священник, часто при записи крещения уточняет, что имеется свидетельство или оно будет позже предоставлено родителями, иногда крестные сами подтверждают, что N. действительно является матерью младенца.

- ²⁹ Feige, Gerhard, "Die Orthodoxen Kirchen in Deutschland", in "Orthodoxes Forum", 1996, S. 213.
- ³⁰ См., например, «Брачный обыск» Тюлькова и Демеденко, 23.04.1945 г.
- ³¹ Datzopoulos N., Die Griechisch-Orthodoxe Gemeinde in Leipzig, in Griechen in Leipzig. Damals und heute. Leipzig, 1999, S. 60-61. Datzopoulos N., Op.cit, S. 60-61.
- ³² Иоаким Биагош присоединен к Православию с именем Иоанн, 4 апреля 1940 г., иереем Евгением Ножиным, настоятелем Храма-памятника. Георгий Биагош, родился 2 января 1939 г. и крещен в Храме-памятнике 5 июля 1939 г., иереем Евгением Ножиным. Ирена Биагош, родилась 18 января 1940 г., крещена 18 мая 1940 г., иереем Евгением Ножиным. Письмо со списком Строительного комитета Храма-памятника обер-бургомистру Лейпцига от 27.11.1940 г. от имени Дамман, секретаря Комитета.
- ³³ Müller, Siegfried Walther (11. Januar 1905 - 2. November 1946) deutscher Komponist, war Zwischen 1923 und 1926 er am Konservatorium in Leipzig eingeschrieben. In den folgenden Jahren war er am Leipziger Konservatorium. 1935 wurde er Dirigent des Leipziger Kammerorchesters und seit 1940 war er Dozent für Komposition an der Weimarer Musikhochschule. Am 14.04.1942 heiratete Kapellmeister Müller und Milka Fingowa in der RGK. Im Herbst 1943 wurde Müller zum Kriegsdienst an der Ostfront einberufen. Mit 41 Jahren verstarb er in sowjetischer Kriegsgefangenschaft. Der musikalische Nachlass des Komponisten (58 Musikhandschriften und 38 Notendrucke) befindet sich in der Bayerischen Staatsbibliothek, München.
- ³⁴ Пасхальное слово под заглавием «Христос воскрес!» Примечание на обороте: Составлено для прихожан Св-Алексиевского Храма-памятника в г. Лейпциге настоятелем того же храма, иеромонахам Кириллом, 3 апреля 1942 г. (Архив Храма-памятника, К. 3.1. Приход. 1938-1945, машинопись, копия).
- ³⁵ «Дневникъ церковнаго старосты Храма-памятника св. Алексия в Лейпциге, инж. Н.Г. Волкова, 10 Юня 1945 г.», рукопись, тетради 1-я и 2-я доведены до 26 марта 1956 г., в архиве Храма-памятника.
- ³⁶ «Летопись Свято-Алексиевского прихода и Храма-памятника русской славы и победы в Лейпциге», начата прот. Г.Романовичем, продолжена прочими настоятелями (1945-1987). Архив Храма-памятника, К. 3.1. Приход. 1938-1945, машинопись, копия.
- ³⁷ Год смерти архим. Кирилла в Германии сообщает издание «Синодик РПЦЗ», электронный источник: <https://church-abroad.com/sinodik-rpczz/>.
- ³⁸ Метрические книги в Архиве Храма-памятника, К.6., за 1941-1945. Количество крещений, переходов в Православие, венчаний и похорон за десять лет, с 1928 до 1940 года составляет 84, тогда как за пять лет, с 1941 до 1945 года всех таинств – 667. То есть число увеличилось почти в восемь раз.
- ³⁹ Russische Kirche in Leipzig. Русский храм в Лейпциге. (русский и немецкий текст). Passage-Verlag, Leipzig 2021. Стр. 103.
- ⁴⁰ Шкаровский М.В., Указ. соч., с. 319-320.
- ⁴¹ Михаил Назаров пишет, что митр. Серафиму удалось организовать 15 разъездных священников, которые посещали русских православных людей (остарбайтеров) в лагерях (Назаров, М., Русская Зарубежная Церковь в годы «второй гражданской войны» (I), Вестник РПЦЗ, Мюнхен, 1994, № 5, стр. 16).
- ⁴² Шкаровский, Там же.
- ⁴³ Георг Зайде пишет, об духовном окормлении русских невольников в кн. *George Seide, Verantwortung in der Diaspora*, München, 1989, с. 120-122, 298.301, и еще в неск. журнальных статьях в «Вестнике РПЦЗ», в те же годы.
- ⁴⁴ На «марш смерти» 13 апреля 1945 г., например, была направлена большая группа 2400 заключенных лагеря Эрла-Верке (Лейпциг). Группа была конвоирована в лагерь Терезиенштадт, и за четыре недели прошла 500 километров. По пути этого «марша смерти» множество невольников погибло – из 2400 в живых осталось только 250 заключенных. Их 9 мая 1945 г. освободили русские солдаты у Фойтовице (ныне – Чехия).
- ⁴⁵ В поздних воспоминаниях, со слов одного их современников, немецкие власти признавали себя побеждёнными перед духовной жаждой «остарбайтеров», которые в свою очередь были чуть не свободные уже весной весной 1945 г. (Шкаровский, Указ соч., С. 318 – 319).
- ⁴⁶ Прот. Николай Михненко служил в Храме-памятнике в 1945 г. Свящ. Феодор Соловьев исполнял должность настоятеля Храма-памятника в 1945-1946 г. Прот. Георгий Романович был настоятелем Храма-памятника в 1945-1953 и в 1955-1974 гг.).